

Интервью с Айгуль Маратовной МАВЛЕТОВОЙ

«МЕЧТАЮ, ЧТО КОГДА-НИБУДЬ БУДЕТ ПОСТРОЕНА РЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ОНЛАЙН-ПАНЕЛЬ В РОССИИ»

Мавлетова А. М. – окончила социологический факультет Высшей школы экономики, Москва (2007 г.); кандидат социологических наук (2010 г.); старший преподаватель, кафедра анализа социальных институтов, департамент социологии; заместитель декана по науке, факультет социальных наук, Высшая Школа Экономики. Основные области научного интереса: количественные методы исследований; методология онлайн-исследований; новые технологии в социологических исследованиях.

Интервью состоялось: январь-февраль 2015 г.

Моя беседа с Айгуль Маратовной Мавлетовой началась в конце второй недели января 2015 года и завершилась в начале 20-х чисел февраля, т. е. продолжалась всего шесть недель. Если же иметь в виду ощущение моего времени общения с Айгуль, то его можно передать одним словом: «мгновение». Это был разговор со знакомым человеком, о давно известной и близкой мне теме и касался знакомых и уважаемых мною людей. Что может быть лучше?

В опоре на мнения специалистов и узнав из веб-сети, что Айгуль Мавлетова защитила кандидатскую диссертацию по онлайн-опросам, 7 января этого года я написал ей письмо. Сообщил в нем, что давно интересуюсь развитием онлайн-опросных технологий и свыше десяти лет занимаюсь историей советской/российской социологии на базе глубинных интервью, проводимых по электронной почте. И закончил мое письмо словами: «Буду рад, если Вы согласитесь рассказать мне о себе и своей работе».

На следующий день я получил ее ответ:

Уважаемый Борис Зусманович,

Очень радостно и волнительно получить от Вас письмо! Спасибо!

Да, конечно знаю Ваши работы. Вы мне даже книжку на Всероссийском социологическом конгрессе подарили (точнее я выпросила) «Реклама и опросы общественного мнения в США». По-моему, это был 2008 год. Я рассказала, что интересуюсь онлайн-опросами, попросила Вас подписать книгу, и Вы написали под своей фотографией «Айгуль, онлайн-опрос – есть!». Так-то вот.

Буду очень рада принять участие в проекте. Пожалуйста, напишите, что от меня необходимо.

С уважением, Айгуль

Так разве мы не знакомы с Айгуль давно?

Мои первые российские публикации о становлении и развитии онлайн-опросов в США относятся к 2000 году. Летом в питерском журнале «Телескоп» я отмечал: «Нет сомнений, что в ближайшие годы мы станем свидетелями бурного развития онлайн-технологий опроса в США и во многих странах. Социологические наблюдения за динамикой Рунета и развитием российской аудитории Интернета показывают, что тоже самое будет происходить и в России. Социологи и исследователи рынка не будут ждать, когда Интернет станет обыденностью в стране, они будут делать его обыденностью» [1]. Несколькими месяцами позже в статье, опубликованной в московском журнале «Broadcasting. Телевидение и радиовещание, журнал», я делал такой прогноз: «Трудно согласиться с утверждением о том, что в России рано начинать проведение сетевых опросов. Конечно, в стране мало компьютеров и невелика web-аудитория, слаба технологическая и финансовая база развития сети. Надо ли ждать, когда Интернет войдет в обиход большинства российских граждан, и лишь затем начинать проводить онлайн-опросы, или уже сейчас следует конструировать технологию опросов, учитывающую особенности общества, и по мере сил и возможностей содействовать развитию процесса “интернетизации”? Наблюдения за динамикой Рунета и изменениями российской web-аудитории показывают, что мировые процессы развития сети не минуют Россию. И скорее всего, социологи и маркетологи не должны и не станут ждать, пока Интернет станет в России обычным явлением. Они попросту будут способствовать его скорейшему внедрению» [2].

Если принять во внимание, что некоторые новейшие достижения в области американских веб-опросов анализировались мною в 2013 году [3] и даже позже, то оказывается, что их развитие находится в поле моего зрения уже полтора десятилетия.

Таким образом, оправданно утверждать, что данная тема давно известна и близка мне.

Среди социологов, повлиявших на ее профессиональное становление, Айгуль называет Светлану Баньковскую, Инну Девятко, Андрея Здравомыслова, Александра Крыштановского, Дмитрия Рогозина, Александра Филиппова, Владимира Ядова. Всех их я знаю или знал, причем со Здравомысловым и Ядовым я познакомился за много лет до рождения Айгуль. Безусловно, мне было приятно услышать от нее добрые слова в адрес всех этих исследователей.

Историко-социологические воспоминания нахлынули на меня, когда я прочел слова Айгуль: «... мы с Инной Феликсовной [Б.Д.: Девятко] организовали небольшой курс повышения квалификации в Вышке по онлайн-исследованиями, куда пригласили Мика Купера – профессора Мичиганского университета и известного эксперта в области онлайн-опросов. С тех пор мы с ним сдружились». Я сразу же подумал, а когда же я узнал о работах Мика Купера?

Обращение к компьютерному архиву показывает – давно это было, более десяти лет назад. Летом 2003 я основательно изучал Программу 58-ой Ежегодной конференции Американской ассоциации исследователей общественного мнения, состоявшейся 14–19 мая того года. Целью моего анализа было очерчивание пространства американских методических исследований в сфере опросных технологий, В частности в Программе отмечалось, что на секции по онлайн-методам опроса обсуждались темы участия в них респондентов и валидности измерения. Среди выступавших были представители мирового лидера онлайн-опросов того времени Harris Interactive, сотрудники известной фирмы Mathematica Policy Research, многие десятилетия проводящей опросы по гуманитарным проблемам, и был Мик Купер (Mick Couper), один из наиболее признанных современных специалистов по методике опросов, в том числе – сетевых.

Итоги моего контент-аналитического исследования сначала были распространены на Втором Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: Социальные вызовы и альтернативы», который проходил 30 сентября – 2 октября 2003 года в Москве, а в 2005 году они были опубликованы в журнале «Социология: 4М» [4].

Таким образом оправданно и мое утверждение о том, что беседа с Айгуль вернула меня в круг специалистов, за работами которых я с интересом слежу многие годы.

Вообще, в интервью с Айгуль обнаруживается многое, присущее представителям седьмого поколения советских / российских социологов, к ним относятся те, чьи годы рождения заключены в интервале между 1971 – 1982 (Таблица 1). Но наиболее интересным мне представляется ее рассказ о сотрудничестве с Миком Купером.

Таблица 1

**Главные функции первых семи поколений
советской / российской социологии**

Поколение	Годы рождения представителей поколения	Доминантная функция
I	1923 – 1934	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	Конец 1920-х – начало 1930-х	Расширение предметного поля исследований
III	1935 – 1946	Развитие эмпирических методов
IV	1947 – 1958	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959 – 1970	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971 – 1982	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983 – 1994	Вхождение в глобальное социологическое сообщество

Сказанное ею может принадлежать лишь социологам шестого поколения или самым молодым из седьмой когорты: «Я уехала на год в Германию. В Университете Бонна я получала стипендию от DAAD и могла проводить исследования. Это был 2011–2012 г. Тогда начался мобильный бум. <...> Я решила провести эксперименты в области мобильных веб-опросов. За время пребывания в Университете Бонна я провела два эксперимента, один из которых – вместе с М. Купером. Так, были опубликованы мои первые две статьи в международных рецензируемых журналах (Social Science Computer Review и Survey Research Methods). После возвращения в Вышку я продолжила сотрудничество с Купером в области мобильных веб-опросов. Мы опубликовали ещё одну статью в Journal of Survey Statistics and Methodology, а другая – скоро появится в Field Methods. Кроме того, мы также написали две главы по мобильным веб-опросам для книг, которые выйдут в 2015–2016 г. Одна из книг будет приурочена к довольно значимой конференции International Total Survey Error Conference: Improving Quality in the Era of Big Data».

Планы, которые намечает Айгуль, были невозможны для социологов первых поколений: работать над Ph.D. на Западе, начать сотрудничество с английским методологом Питером Линн (Peter Lynn) в Institute for Social and Economic Research. Все это согласуется с моим предположением о доминантной функции седьмого поколения – вхождение в глобальное социологическое сообщество.

Буду рад, если Айгуль Мавлетова сможет реализовать ее планы. Кроме всего прочего это будет одним из фактов, подтверждающих справедливость моей историко-научной гипотезы.

1. Докторов Б. Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000. №4. С. 16–31 http://www.pseudology.org/Gallup/On_line_Polls.htm
2. Докторов Б. Онлайн-опросы популярны в США. Готова ли к ним Россия? // Broadcasting. 2000. №6. С. 92–94.
3. Докторов Б. 3. Лекции по истории изучения общественного мнения: США и России: учебное пособие. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=340>
4. Докторов Б. 3. К попытке определения пространства американских методических исследований опросных технологий // Социология: 4М. 2005, №20. С. 10–31. <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/04/10/1271933384/Doktorov.pdf>

Мавлетова А. М.: «Мечтаю, что когда-нибудь будет построена репрезентативная онлайн-панель в России»

Айгуль, Вы напомнили мне, что мы встречались на Всероссийском социологическом конгрессе был в октябре 2008 года. Значит мы знакомы уже более шести лет. Тогда Вы, скорее всего, начинали входить в проблематику онлайн-опросов, а теперь – кандидат наук, защитившийся именно по этой теме. Мы непременно поговорим об этом, но сначала расскажите о себе.

Я прочитал, что Айгуль – это тюркское имя, переводимое как «Лунный цветок». Очень красивое, романтичное имя. Это имя есть в Вашем роду или Вы – первая? И вообще, насколько глубоко Вы знаете историю своей семьи?

Да, всё верно, так меня назвал дедушка по маминой линии, но я и не знаю, был ли кто-то в роду с таким именем. По крайней мере, мне никогда не говорили, что меня назвали в честь кого-то. Мои предки из западного Казахстана, Младшего жуза, из племени тама. Для казахов эта информация очень важная. Если ты из Младшего жуза, в Казахстане невозможно занять высокие государственные посты. Их можно получить только, если твои предки из Старшего жуза. При приёме на работе, в особенности в южной и центральной части Казахстана, твой жуз, племя и родственники – это и социальный и экономический и культурный капитал.

Мои предки – очень образованные люди. Мой прадед по папиной линии – Махмуд – закончил Астраханское медицинское училище в начале XX века и работал фельдшером. У него было четверо детей – двое мальчиков и две девочки. Мальчики умерли в раннем возрасте. Остались только две девочки – Белла и Рауза. Белла – моя бабушка. В школе её обзывали мальчишкой, т.к. Белла созвучно казахскому слову «бала» – мальчик. После этого она взяла себе имя Вера. Бабушка, ветеран войны и труда, более 25 лет проработала учителем истории и завучем в казахской школе-интернате. Сейчас она живёт в Астане и занимается орнаментальной вышивкой. Мужа у бабушки не было, поэтому моего папу усыновил муж сестры бабушки – Джанбул. Это мой дедушка. Он закончил Кооперативный институт в Москве. Прошёл войну. Потом работал председателем облпотребсоюза.

Моего прадеда по маминой линии раскулачили и сослали в лагерь. Он вернулся из лагеря, но жил со старшей женой (тогда двоежёнство запретили). А мой дед, Тенел, был от младшей жены. В общем, он рос без отца. Моего деда выгнали из университета, когда раскрыли информацию о его отце. И он уже намного позже смог получить образование. Прошел всю войну. Стал известным журналистом, а потом работал секретарём райкома. Вследствие того, что он довольно поздно смог завершить обучение в университете, образование было для него высшей ценностью. Даже когда он ослеп и был очень слаб, прежде всего, спрашивал меня об учёбе. Моя бабушка, Карима, не работала. Она росла в очень образованной семье: моя прабабушка была учительницей, а прадед – историком.

Айгуль, это все очень интересно, я Вас пораспрашиваю о семье, но сначала хочу чуть больше узнать о племенной (или как точнее сказать?) структуре Казахстана, я думаю, мало кто из наших будущих российских читателей ориентируется в этом сложном вопросе. Для средних веков и более отдаленных периодов такая стратификация обществ была обычной, естественной. Но как, в силу каких причин она сохранилась в Казахстане (только ли?). Что такое «жузы»? У них разные языковые диалекты, есть ли религиозные, культурные различия? А племя? Они первичны, т.е. до жуза? В чем различия племен? Какова история Вашего племени «тама»? Племенная принадлежность однозначно определяет вхождение в тот или иной жуз? Принадлежность к жузу, племени задается материнской или отцовской линией? А как дети от смешанных, скажем русско-казахский браков?

Да, по роду или племени определяется Жуз. Исторически племена Старшего Жуза проживали на юге, Среднего Жуза – в центре и на востоке, а Младшего Жуза – на западе Казахстана. В XVIII веке Жузы были самостоятельными административными единицами, имеющими своего хана.

Все мои предки из Западного Казахстана, т.е. принадлежат Младшему Жузу. Предки моего отца из племени тама. Есть несколько догадок про его возникновение. Скорее всего, это было монгольское племя.

Такая родоплеменная система живёт, хоть и неофициально, в Казахстане по сей день, отдавая приоритет родоплеменным и родственным отношениям. Очень много вопросов решается на этом уровне. Хотя принадлежность к племени и Жузу определяется по отцовской линии, любые родственные отношения (будь то по отцовской или материнской линии) – это семейный капитал. Сейчас родоплеменная система меньше проявлена на севере Казахстана, где много русских, больше – на Юге, но теперь и в Астане (в столице), т.к. это город чиновников.

Спасибо большое, Айгуль, теперь – о себе; где Вы родились, где заканчивали школу?

Я родилась на юге Казахстана в посёлке недалеко от Аральского моря. Это пустынная местность, где в качестве домашних животных жители держат не только баранов и лошадей, но и верблюдов.

Но выросла я на севере Казахстана в г. Рудном. Это русскоязычный город. Большинство – это русские, немцы и украинцы. В то время, когда я там училась, была только одна казахская школа. Но я училась в русской школе и всегда была окружена только русскими детьми. Школа была математической. В школе я сильно увлекалась шахматами, но мои успехи в математике и физике были очень даже средними по сравнению с моими одноклассниками.

Параллельно основной школе в 8–11 классах я заочно (по почтовой переписке) закончила физико-математическую Новосибирскую школу при НГУ. А в середине 11-го класса я уехала в Москву и получила аттестат уже в Москве, параллельно готовясь к поступлению в университет.

Да, у Вас – нестандартные школьные годы... и на какой факультет Вы решили поступать? Получилось с первого захода?

В школе в Казахстане я всегда была в середнячках, выделяясь только в шахматах и английском языке. По шахматам и английскому языку я регулярно представляла школу (а потом и город на областном уровне) и занимала призовые

места. С пятого класса я училась в математическом классе, а с восьмого класса поступила в так называемый «элитарный» класс. В этот класс пытались поступить сильнейшие ученики со всего города. Мои одноклассники были невероятно сильными в математике и физике. И я, поверьте, совсем-совсем не выделялась.

А когда я приехала в Москву, поступила в класс с экономическим уклоном. Школа была простой общеобразовательной. А класс был экспериментальным, и нас учили преподаватели МГУ. Невероятные преподаватели с экономического факультета МГУ. Мне, конечно, повезло. Я не выбирала ни школу, ни класс заранее. Просто так получилось. И в этом классе я стала одной из лучших. Впервые в жизни. Меня это так сильно потрясло, ведь тогда казалось, что в Москве образование намного лучше. В связи с моими успехами в учёбе меня выбрали старостой класса. И получилось так, что мне было очень легко окончить эту школу.

Самое главное в это время было определиться с поступлением. Конечно, изначально я думала только об МГУ, но не знала, какой факультет. Помню точно, что не рассматривала экономический. Выбор был либо математический факультет, либо какое-нибудь гуманитарное направление, где должно быть хорошее знание математики. Первый выбор был механико-математический факультет МГУ. Но я сходила на письменную олимпиаду, а потом и собеседование, и поняла, что мне будет очень сложно там учиться.

Нужно было искать гуманитарное направление, где важное место занимает математика. Так, посредством поиска предметов, которые необходимо было сдать при поступлении, была найдена «социология». Я, конечно, плохо представляла, что это такое, но мне тогда показалось, что это как раз то пересечение математики и гуманитарного направления, которое я искала. Основная проблема виделась в том, что в МГУ необходимо было сдавать историю России, которую нам в Казахстане не преподавали. Потом от одноклассников в Москве я узнала о Высшей Школе Экономики, о которой, конечно, до этого вообще не слышала. Там вместо истории нужно было сдавать обществознание, которое я, как и историю, тоже не знала. В общем, были определены два ВУЗа, один факультет и два предмета, на которых надо было сфокусироваться.

В год поступления я везде набрала полупроходные баллы. С полупроходными баллами брали медалистов. У меня не было медали, но был невероятный стресс от всего этого. В МГУ предложили бесплатно перейти на вечернее отделение в первый год, а потом либо перепоступать, либо попытаться перевестись на дневное отделение. Во ВШЭ предложили скидку в размере 75% (нужно было оплатить \$600 за год), а потом перепоступать. Я выбрала ВШЭ. Проучилась в Вышке год, а потом на следующий год перепоступила на бесплатное отделение.

Айгуль, в каком году Вы перепоступили и началась Ваша полноценная студенческая жизнь? Вы должны были сразу выбрать направление, факультет или поначалу все учились по общей программе? Как у вас пошло учение?

Перепоступила я в 2001 году. Поначалу направление было у всех одно, а выбирали мы специализацию на четвёртом курсе. С учебой всё было хорошо, но не блестяще. Какие-то предметы мне нравились, какие-то — совсем нет. Если предметы мне не нравились, я вообще могла на них не появляться.

На первом курсе меня поразила Симонова Ольга Александровна — она вела у нас семинары по «Истории социологии». Галина Кимовна Балашова научила нас работе на компьютере (Word, Excel, Internet). В то время я очень плохо печатала и Интернетом стала пользоваться только на первом курсе.

На втором курсе мы все трепетали перед Александром Олеговичем Крыштановским. Он был деканом факультета и вёл курс «Анализ социологических данных». Не знаю ни одного студента, который бы его не побаивался. Помню, я так сильно старалась написать хорошее эссе, что написала, по его словам, «слишком хорошо» для второго курса. Тогда Александр Олегович вызывал меня лично в его кабинет для разговора, чтобы убедиться, что автором работы была именно я.

В конце второго курса я начала работать и стала меньше уделять время учёбе. Поэтому на третьем курсе училась уже с меньшим интересом. Вместе с тем, третий курс запомнился знакомством с Андреем Григорьевичем Здравомысловым, который вёл «Социологию конфликта», и Владимиром Александровичем Ядовым, который вёл у нас курс по социальным трансформациям в России. Конечно, всех поражал Ядов, который и анекдоты мог рассказать, и ненормативную лексику употребить, и вести себя, как ему удобно. Для нас это был полный шок, ведь знали мы его только по книгам.

На четвертом курсе мы выбирали специализацию. Я выбрала — методы сбора и анализа социологических данных. Специализация длилась год, так как мы заканчивали бакалавриат, а значит, надо было писать диплом и готовиться к сдаче государственных экзаменов. Я подумала, что хочу писать диплом про риски. Посмотрела, кто из преподавателей интересуется (или заявляет, что интересуется) исследованием рисков и, таким образом, нашла Инну Феликсовну Девятко. В итоге Инна Феликсовна стала научным руководителем моего бакалаврского диплома, магистерской работы и кандидатской диссертации.

В чем дело, Айгуль? Я знал Крыштановского, никогда не возможно было подумать, что его будут побаиваться студенты. Вы не могли бы пояснить, почему... А нельзя ли полнее вспомнить о Здравомысловом и рассказать о лекциях Ядова. Оба этих ученых сыграли ведущую роль в становлении современного этапа российской социологии, и мне интересно мнение о них социолога вашего поколения.

Александра Олеговича мы и боялись, и уважали, и любили — всё одновременно. И везде можно добавить «очень». Он был такой единственный преподаватель на факультете. На его занятиях лекционный зал был всегда переполнен — приходил весь поток. Самые сложные вещи он объяснял очень просто и на пальцах. Вместе с тем, всегда относился с юмором и к нашей профессии и к тому, чем мы будем заниматься после обучения в университете (его любимый пример про «труссы» и «изучение рынка трусов»). Попасться у Крыштановского на списывании или на незнании было абсолютным позором. Светлая ему память...

Андрея Григорьевича я помню как очень рассудительного и спокойного человека. Курс по социологии конфликтов, который он читал, был очень коротким. Я написала эссе про этнические неравенства в экономическом поле, а далее его защищала. Помню, что процитировала Маркса почти на первой странице

работы и за это поплатилась. Андрей Григорьевич начал задавать много вопросов по работам Маркса и я, конечно, не смогла на них хорошо ответить, а финально мы ещё и не сошлись в траковке Бурдые. В общем, так я еле сдала его курс.

Владимир Александрович вёл у нас на третьем курсе «Социальные трансформации в России». Он – отличный лектор и с лёгкостью мог удерживать внимание аудитории. Ему всегда была интересна другая точка зрения, и он мог внимательно тебя выслушать. Мне он так сильно понравился, что на четвёртом курсе, даже будучи на другой специализации (я пошла на специализацию по методам), ходила на специализацию по теории, где он вел «Социологию идентичности».

Какие основные черты И. Ф. Девятко как ученого и профессора Вы бы отметили?

Инна Феликсовна очень для меня дорогой человек. Она поражает невероятной эрудицией и знанием работ из всех возможных областей. Думаете, она не знает последние научные достижения в физике или математике? Она очень поразится, если узнает, что вы не в курсе.

Инна Феликсовна сильна и в теоретической социологии и в методологии. Это абсолютно уникальный ученый. Она всегда следит за новыми работами в социологии, в том числе в области методологии количественных исследований (интересная для меня область): как можно использовать новые технологии для исследований, какие новые методики сбора и анализа данных можно применить, какие новые типы выборок можно построить и применить это в Интернете и т.д. Она всегда нацелена на поиск инноваций в области методологии.

Айгуль, Вы написали о своих преподавателях немного, но очень точно, узнаваемо. Спасибо. Как в целом проходили студенческие годы? Вам приходилось подрабатывать? Как проводили свободное время? Участвовали ли Вы в каких-либо студенческих научных обществах?

Да, студенческая жизнь была интересной. У меня была очень дружная группа. Во дворе рядом со зданием университета мы нередко отдыхали и выпивали разного рода напитки, за что прозвали его “drinking park”. Много тусовок проходило в социологическом стиле: помню, мы брали зубодробительные тексты, например, тексты Лумана или Хабермаса, и пели их под гитару (точнее, орали). В общем, находили себе развлечения. Вместе мы потом поступали в магистратуру, а потом уже и в аспирантуру. Многие из моих одноклассников сейчас тоже работают в Вышке.

Во время обучения в бакалавриате я ориентировалась на работу в области бизнеса. Поэтому сразу же на первом курсе поступила в школу предпринимателей в Вышке, или как-то так она называлась, где к нам приходили разные бизнесмены и бизнес-эксперты и рассказывали о специфике их бизнеса и работы в России (или в СССР и России). Помимо этого, я ходила ещё на ряд других бизнес-выступлений в Школе.

Со второго курса я со своей подругой устроилась на более или менее постоянной основе в компанию, которая занималась производством мебели и одежды. Компания была довольно крупной: в ней работали около тысячи сотрудников. Нам предоставили полную свободу в том, как мы проводили маркетинговые исследования, и в том, как мы представляли результаты. Помню, на наши пре-

зентации руководство обязало ходить почти всех, кто связан с продажами (в том числе и продавцов-консультантов), а мы всегда любили начинать с теории: например, до представления результатов мы говорили, что наши основания маркетинговых исследований – это теория Парсонса или теория постмодерна Гидденса или ещё что-нибудь. И рассказывали всем об этих теориях. И каким-то образом соединяли теорию и практические вопросы. Сейчас я не представляю, зачем и как мы это делали. Но нам всё было дозволено. В компании у нас был очень хороший начальник, директор по маркетингу, который создавал такую творческую для нас среду. Он проходил в то время курсы МВА в Вышке, а иногда приглашал лекторов прямо в наш офис. Так, например, мы слушали лекции Сергея Ростиславовича Филоновича (декана Высшей школы менеджмента ВШЭ) о менеджменте прямо у нас в офисе. Я потом так сильно втянулась в работу, что много занятий на третьем курсе пропустила, но вот к четвёртому курсу, когда нужно было всё сдавать, пришлось опять собраться.

Обучение шло к концу. Какую тему Вы избрали для дипломного проекта? Что Вам показалось в ней интересным, перспективным?

Да, на четвёртом курсе я пошла на специализацию по методам сбора и анализа данных социологических исследований. Многие начали выбирать темы дипломов, связанных с анализом данных: например, сравнение методов кластерного анализа, изучение нейронных сетей, многомерного шкалирования, анализа соответствий и т.п. Мне же хотелось чего-то содержательного. Я заинтересовалась на тот момент темой рисков, нашла Инну Феликсовну и сказала, что хочу писать у неё диплом. Она, к счастью, согласилась. Так, мы начали наше сотрудничество. Я приходила к Инне Феликсовне, и обычно это выглядело так: Инна Феликсовна перечисляла литературу, которую я, по её мнению, должна была знать; я округляла глаза и говорила, что ничего не знаю; она неподдельно удивлялась и отправляла меня в библиотеку. Очень много часов было проведено в ИНИОНе. Читала я на английском и немецком. Так, я осилила книгу Лумана по социологии рисков и ряд работ Ульриха Бека по-немецки. Тогда для меня это было достижением. В итоге моя работа была посвящена теме различий между обыденным и научным восприятием рисков. Цель исследования состояла в том, чтобы предложить научную классификацию рисков, которая будет строиться не на научных или вероятностно-обоснованных классификациях риска, а на основании обыденных и повседневных классификаций индивидов. Рецензентом моей работы выступил Кирилл Андреевич Гаврилов, который в то время только начал работать в Вышке, а сейчас ведёт курс по социологии рисков и является одним из известных исследователей в этой области в России.

Так, я успешно защитила дипломную работу и сдала экзамены в бакалавриате, а потом поступила в магистратуру на совместную программу Шанинки и Вышки (сейчас такой совместной программы уже нет).

Когда я уезжал в Америку, в России еще не было бакалавриатов и магистратур. Пожалуйста, поясните, что представляла Ваша магистерская программа. Сколько лет учиться? Все курсы по выбору или есть обязательные и по выбору? По какой специальности Вы специализировались?

Да, как раз когда я обучалась, ещё была возможность выбрать — идти на специалиста (5 лет) или бакалавра (4 года). Далее можно было пойти на магистра. Я решила пойти в магистратуру на комплексный социальный анализ, где первый год обучения проходил в Шанинке, а второй год — в Вышке. В Шанинке всё было по-другому. Там обучается очень мало студентов, поэтому всегда была такая тёплая и почти семейная атмосфера. Но больше всего меня поразила библиотека: она была создана, для того чтобы в ней можно было работать. В Вышке в библиотеку почти ничего нельзя приносить: все сумки нужно сдавать в раздевалку, чтобы было видно, что вы ничего не украли из библиотеки. Туда нельзя приходить с едой, напитками и т.д. Всё это можно было делать в Шанинке. Кроме того, там было очень много книг, которые невозможно было найти в Вышке. В общем, Шанинка подкупала многим.

В это время деканом социологического факультета в Шанинке был Д. М. Рогозин. Он читал у нас курс по методологии социологических исследований. Историю социологии, а также курс по социологии пространства вёл Александр Фридрихович Филиппов. Его лекции нравились мне больше всего. Он блестящий лектор. Там же я познакомилась со Светланой Петровной Баньковской, которая вела курс по социологии маргинальности. Год в Шанинке был, наверное, самым ярким и запоминающимся годом всего моего университетского обучения. На второй год мы перешли в Вышку. И на первом и на втором году обучения мы защищали магистерскую диссертацию (т.к. на первом году мы получали диплом Шанинки, а на втором году — диплом Вышки).

Что такое магистерское исследование или магистерская диссертация? Какой теме было посвящено Ваше исследование?

На первом году обучения моя магистерская диссертация была посвящена теоретическим аспектам восприятия рисков. Это был антропологический подход, и я опиралась на теорию разметки/группы Мери Дуглас. Интересно, что в то время как интерес большинства ученых к рискам связан с тем, что риски разрушают общественный порядок, выходя из-под контроля наук, Дуглас приходит к тому, что риски защищают и поддерживают социальный порядок. Они воспроизводят социальную структуру.

В работе я рассмотрела социальные факторы, которые определяют восприятие рисков на групповом уровне, такие как институт власти, восприятие пространства, степень открытости группы, а также восприятие времени. Например, в системах, проецирующих далёкое прошлое на далёкое будущее, основной риск связан с тем, что будущее может быть непохоже на прошлое. В схеме Мери Дуглас это иерархические общества. Здесь риски связаны, прежде всего, с невыполнением «заветов предков», ибо последнее означает успешное будущее. Наоборот, сообщества, которые планируют своё будущее на короткий период, не ориентируясь при этом на прошлое, более положительно относятся к неопределенностям. Подобные группы готовы идти на риски, ибо риски связаны с новыми возможностями получения высокой позиции или прибыли. Это индивидуалистские общества.

В теории Мери Дуглас также интересен ход по включению пространственной составляющей в определении риска. Как правило, риск определяют через временную категорию. Точнее, подчеркивают, что понятие начинает употре-

бляться в тех сферах, где признается, что будущее непостижимо и открыто для различных событий. Риск разделяет настоящее и будущее, это всегда последствия, непредсказуемые и неопределенные. Она же определяет риски через категорию пространства: это то, что не на своём месте. Определенные действия должны выполняться в определенном месте; определенные объекты должны располагаться в специально отведенном для этого месте. В противном случае они классифицируются как опасные. Рискованно то, что находится на пространственной границе (например, на границе между женской и мужской частью дома), или смешивает различные представления о пространстве. Например, опасен тот, кто, располагаясь в публичном пространстве, воспринимает его как частное. Если для человека, имеющего дом, улица — это нечто внешнее, то для бродяги улица — это место его обитания, внутреннее помещение. Его положение неопределенно, он подвергается опасностям, однако в то же время воспринимается другими как источник опасности. Несмотря на то, что антропологический подход к изучению восприятия рисков Мери Дуглас стал популярным в 80-х годах, он не породил множество эмпирических исследований. Основная проблема была в операционализации данного подхода.

Вторая моя магистерская диссертация была также связана с изучением рисков, а именно, я изучала поведение игроков в казино. Тогда ещё казино в Москве были разрешены. Я вела наблюдения в казино «Метелица» на Новом Арбате. До этого я никогда не была в казино. Первое моё посещение было для меня шоком. Какой-то совершенно другой мир. Я ходила туда на протяжении месяца 3–4 раза в неделю. При написании работы я опиралась на работы Гофмана (кстати, он был заядлым игроком) и описала вовлеченность людей в игру, когда они находятся в казино. Прежде всего, казино — это определенная пространственная организация (отсутствие окон, определенное размещение игровых залов). Пространство казино организовано таким образом, чтобы посетители, забывая серый и скучный мир повседневности, в котором нет эмоции и страстей, переносились в яркий мир казино, в котором индивид сам управляет своей судьбой, принимая рискованные решения. Пространство казино (игровые залы, объекты) направлено на полное увлечение и поглощение посетителей игрой. Подобная вовлечённость обеспечивается за счет эмоциональной составляющей: сильные эмоциональные переживания становятся основой, формирующей фрейм казино.

По-своему также организовано время. Казино вообще не предполагает существование космического времени, регулирующего повседневную деятельность. Оно намеренно пытается исключить категорию объективного времени: казино открыто всегда, 24 часа в сутки, 12 месяцев в году. В казино игрок не найдет никакого упоминания о времени: здесь принципиально нет календарей, нет часов, нет окон. Игрок не может узнать время у дилеров: дилерам запрещено носить часы. Здесь нет смены времени суток, нет смены времен года, здесь вообще нет времени, точнее время в казино приостановлено, а есть только игра и время игры. Основная составляющая игры в казино — невозможность игроков контролировать и укротить собственную вовлечённость. Почти что невозможно «вовремя» прекратить игру. Пока есть в кармане хоть какие-то деньги или пока их кто-то занимает, игрок сидит, ибо велика иллюзия быстрого выигрыша.

Все завершилось гладко, не «заболели» казино, в том смысле, не тянуло и дальше изучать риски, поведение в пространстве рисков? Итак, магистратуру Вы закончили, получили степень. Какие были планы на дальнейшее? Вы смогли их реализовать?

После завершения обучения в магистратуре я поступила в аспирантуру (опять же в вышке). К этому времени я уже работала в области маркетинговых онлайн-исследований. Сначала в международной компании GMI (Global Market Insight), а далее после того, как они закрыли офис в России, Александр Шашкин (тогда генеральный директор GMI в России) открыл собственную компанию Online Market Intelligence. Так что я перешла в Online Market Intelligence. Основа этого бизнеса – продажа выборок из больших неслучайных онлайн-панелей. Мне очень нравилась моя работа. Мотивация у меня зашкаливала, и вообще был такой драйв от всего происходящего. Ведь мы тогда продавали не услуги компании, а вообще идею перехода с личностных или телефонных опросов на онлайн-опросы: ходили в большие исследовательские компании и рассказывали о том, что такое онлайн-опросы и почему время для них пришло не только в Европе и США, но и в России тоже. Конечно, ко времени выбора темы я ничего другого не видела, кроме как связать тему диссертации с онлайн-исследованиями. Инна Феликсовна поначалу была против, т.к. в 2007 году казалось, что защищаться по онлайн-исследованиям пока ещё рано. Но, взвесив все за и против, я решила, что интерес будет большим, и в течение трёх лет многое изменится. Инна Феликсовна тогда же навела меня на работы про выборку respondent-driven sampling (RDS) – это такая сетевая выборка по типу снежного кома, но с помощью которой можно вычислить ошибку выборки. Разработал этот тип выборки Дуглас Хекаторн для изучения закрытых совокупностей (прежде всего, труднодоступных групп потребителей инъекционных наркотиков). Он также применил данный тип выборки в онлайн-среде для опроса студентов. Инне Феликсовне показалась интересной идеей апробировать данный тип выборки в онлайн-среде именно на закрытой совокупности. Мне понравилась эта идея, и я подумала, что можно использовать имеющиеся связи для опроса игроков казино через онлайн-опрос. Так, выстроилась моя диссертация: рассказать в целом о возможностях онлайн-исследований, представить типологию онлайн-исследований, а далее показать возможности на примере эмпирического исследования игроков казино через онлайн RDS выборку. Так что, можно сказать, что игроки в казино остались со мной и в кандидатской диссертации, но они уже не были в фокусе моего исследовательского интереса. Интерес был к методологии онлайн-исследований. В 2010 г. я защитилась.

Преимущество (и в это же, возможно, одновременно и недостаток) писать про онлайн-исследования – в этой области всё очень быстро меняется. Я часто говорю, что как только вы немного задержались с написанием работы (а тем более диссертации) по этой теме, то тут же можно добавлять к методологии онлайн-исследований слово «история». Распространение и популярность онлайн-исследований было столь стремительным, что если в 2007 г. ко мне было очень много вопросов, то в 2010 г. (на защите) вопросов к актуальности данной работы у членов диссертационного совета вообще не было.

Очень интересная история, как здорово соединились Ваши интересы. Не расскажите ли кратко суть RDS и результат изучения игроков казино.

RDS выборка — это выборка по типу снежного кома. Но если в стандартном снежном коме исследователи получают новые контакты от респондентов, то в RDS выборки сохраняется конфиденциальность, т. е. респонденты предоставляют своим знакомым купоны, а уже эти знакомые решают, принимать участие в исследовании или нет. За участие в исследовании и за приведение знакомых респондент получает определенное вознаграждение. Но это всё же не основа RDS выборки.

Если мы попытаемся механизм построения случайной выборки на основе снежного кома, то мы пойдём по принципу, который Лео Гудман описал в своей известной статье 1961 г.: выбираем k первых респондентов с применением принципа рандомизации, далее просим каждого респондента составить список своих знакомых, и опять же случайным образом выбираем n знакомых из составленного списка. Опрашиваем их и повторяем такую процедуру несколько раз. Вуаля, у нас случайная выборка с применением метода снежного кома.

Наибольшая проблема, с которой сталкивается исследователь, — это невозможность построения случайной выборки на первом этапе. Итак, если это невозможно, означает ли это, что невозможно репрезентировать группу и рассчитать ошибку выборки на основании опроса методом снежного кома? Вот Дуглас Хекаторн показывает, что в закрытых совокупностях можно начать с любых респондентов (RDS выборка может быть использована только для довольно закрытых совокупностей, т. к. изначально предполагается ненулевая вероятность отбора каждого). А прийти к выборке, которая не зависит от изначальных субъектов, с которых начался опрос. И такая выборка с определенной точностью (которую можно рассчитать) будет репрезентировать изучаемую закрытую группу. Посредством ввода ряда формальных предположений в модели можно рассчитать ошибку выборки. Ключевая идея состоит не в прямой оценке параметров генеральной совокупности на основе выборочных данных, а в первоначальной оценке параметров социальной сети, на основе которых уже оцениваются параметры генеральной совокупности. Базовым предположением, при этом, является представление цепочки опрашиваемых в виде цепи Маркова. Таким образом, предполагается, что процесс опроса (рекрутирования новых респондентов) — это последовательность случайных событий, где будущее (т. е. тот, кто будет опрошен в последующих волнах) не зависит от прошлого (т. е. от того, кто был опрошен ранее). Кроме того, предполагается, что респонденты рекрутируют людей из своей социальной сети случайным образом. Есть ещё ряд формальных предположений RDS выборки. Проблема, однако, состоит в том, что редко когда эти предположения соответствуют реальному ходу вещей. И не всегда (а даже, как показывают, ряд исследований, редко) смещения, которые могли быть вызваны изначально построенной выборкой, нивелируются при последующих волнах опроса.

В диссертации мне нужно было сравнить мои данные с репрезентативными данными. Основной проблемой, при этом, стало отсутствие репрезентативных данных об игроках казино. Я лишь смогла сравнить основные социально-демографические переменные на основании опроса ФОМа о тех, кто когда-либо играл в казино. В работе я показала различия между оценками онлайн RDS-опроса и оценками ФОМа.

Айгуль, чем Вы теперь занимаетесь? В какую сторону идете?

Ко времени защиты кандидатской диссертации я уже заняла в компании Online Market Intelligence позицию исполнительного директора (а до этого занимала позицию директора по исследованиям), и в течение трёх лет обучения в аспирантуре по факту наукой, конечно, не занималась. Лишь только выкраивала время для написания диссертации. Но после защиты я решила уволиться с работы и уехала на год в Германию для прохождения постдокторской стажировки в Университет Бонна у Йорга Блазиуса. Кроме того, как раз прямо перед моей поездкой в Германию мы с Инной Феликсовной организовали небольшой курс повышения квалификации в Вышке по онлайн-исследованиями, куда пригласили Мика Купера – профессора Мичиганского университета и известного эксперта в области онлайн-опросов. С тех пор мы с ним сдружились.

Я уехала на год в Германию. В Университете Бонна я получала стипендию от DAAD и могла проводить исследования. Это был 2011–2012 г. Тогда начался мобильный бум. Мобильный Интернет, мобильные устройства стали распространяться с невероятной скоростью: смартфоны, планшеты. Я решила провести эксперименты в области мобильных веб-опросов. За время пребывания в Университете Бонна я провела два эксперимента, один из которых – вместе с М. Купером. Так, были опубликованы мои первые две статьи в международных рецензируемых журналах (Social Science Computer Review и Survey Research Methods).

После возвращения в Вышку я продолжила сотрудничество с Купером в области мобильных веб-опросов. Мы опубликовали ещё одну статью в Journal of Survey Statistics and Methodology, а другая – скоро появится в Field Methods. Кроме того, мы также написали две главы по мобильным веб-опросам для книг, которые выйдут в 2015–2016 г. Одна из книг будет приурочена к довольно значимой конференции International Total Survey Error Conference: Improving Quality in the Era of Big Data.

Помимо исследований в области мобильных веб-опросов мне также интересна тема геймификации онлайн-исследований, т.е. возможности включения геймифицированных элементов в опросы. У меня вышла статья в Social Science Computer Review по геймификации онлайн-опросов для детей и подростков, и, надеюсь, в самое ближайшее время выйдет другая статья по геймификации в International Journal of Market Research.

Область онлайн-исследований быстро меняется: здесь технологии задают темп и тематику исследований. Поэтому данные и статьи быстро устаревают, как и в компьютерных науках. Не успели начать говорить об одном, как возникает что-то новое и уже все говорят только об этом. Здесь надо всё время держать руку на пульсе.

При столь глубоком изучении разных аспектов онлайн-опросов и активной публикации результатов исследований на Западе, не думаете ли Вы о подготовке Ph.D или/и докторской диссертации?

Да, я задумываюсь над написанием Ph.D. на Западе. В этом году у меня запланирована поездка в Эссекский университет на пару недель в Institute for Social and Economic Research к Питеру Линну – методологу, известному, прежде всего, работами в области лонгитюдных исследований. Когда я ему написала,

выяснилось, что он знает некоторые мои работы. Мою работу по геймификации онлайн-опросов для детей они обсуждали с коллегами в журнальном клубе. Конечно, мне было очень приятно это узнать. В общем, я планирую обсудить возможности написания диссертации там в Институте. Но пока эти планы очень туманные.

Вы следите за развитием и использованием веб-технологий лишь на Западе или и в России? Если Вы информированы о применении онлайн-опросных схем в России, как Вы оцените их уровень: примерно, как на Западе, или заметно ниже? Какие организации Вы назвали бы в качестве лидеров?

Если говорить о бизнесе и онлайн-панелях, основанных на невероятных выборках, то мы запаздываем ориентировочно на два-три года. В принципе, запаздывание можно значительно сократить, но здесь есть три препятствия. Первое препятствие связано с проникновением Интернета и другими технологиями. Это проникновение значительно ниже в России по сравнению с западными странами. Во-вторых, зачастую сами исследователи в России не готовы к изменениям и не видят преимущества в инновациях. В России, как правило, разработками новых исследовательских практик и методик, не занимаются. Зачастую получается так, что если определенная технология разработана или принята головным офисом, то локальный офис международной компании либо может о ней совсем не знать, либо начать использовать только потому, что решение об этом принято в головном офисе. Интернет технологии более выгодны головным офисам международных компаний. Так, много исследований можно проводить без включения локальных офисов. Например, централизованно для Кока-Колы провести онлайн фокус-группы во всех странах, а далее провести количественный онлайн-опрос, заключив, при этом, контракт с международным онлайн-провайдером. Это второе препятствие связано с третьим, а именно, с тем, что технологии в России стоят дороже, чем человеческий труд. Онлайн-опрос будет стоить дороже в России, чем телефонные интервью. Онлайн фокус-группа не дешевле (а то и дороже) традиционной фокус-группы. Конечно, это препятствует переходу на онлайн и развитию новых технологий в исследовательской области.

Мне кажется, что по-прежнему, лидер на рынке количественных онлайн-опросов является компания Online Market Intelligence. Хорошая позиция у компании Tiburon. Кроме того, есть ряд международных панельных провайдеров, которые либо имеют здесь представителей (например, Cint), либо не имеют, но продают российскую панель. Когда-то сильная позиция была у компании Масми, однако сейчас они сильно сдали. В целом, рынок очень подвижный и конкуренция усиливается. Есть ряд интересных компаний, которые занимаются мониторингом социальных медиа. Я бы здесь отметила компанию Wobot.

Уже на протяжении нескольких лет в бизнесе говорят о «вымирании» онлайн панелей. На Западе основная проблема состоит в очень низкой доле откликов среди членов онлайн-панелей. Это доля откликов может быть 2–3%. Там респондентам присылают десяток приглашений в день. В итоге через полгода-год панелисты перестают принимать участие в опросах. Преимущества российских онлайн-панелей состоит в том, что пока многим респондентам это

в новинку, хотя надо отметить, что ситуация уже несравнима с тем, что происходило на рынке, скажем, в 2007–2008 гг. Если в те время доля откликов была около 80%, то сейчас в лучшем случае она не превышает 30–40%.

Если же говорить не о бизнесе, а об академических институтах или статистических организациях, то здесь отставание, боюсь, намного больше, хотя я здесь точно не могу сказать. Мы в прошлом году организовали с Инной Феликсовной круглый стол на тему «Онлайн-опросы как источник данных о населении РФ» и пригласили ряд исследователей и экспертов. Мероприятие также посетила Елена Фролова, начальник Управления статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Росстата. Однако, к нашему большому сожалению, на встрече она мало что вообще сказала. Складывается ощущение, что Росстат – это очень закрытая организация, которая боится раскрыть какие-то «секретные» данные о том, что же там происходит. На встрече она мельком заметила о планах частичного перевода переписи населения в Интернет-перепись и апробации этого подхода на микропереписи 2015 г. Я очень надеюсь, что Росстат потом опубликует подробный отчет о том, кто заполнил через Интернет, когда и т. д. Я также всё жду, когда RLMS будет тестировать переход на заполнение анкеты через Интернет. Не знаю, проводятся ли эксперименты М.С.Косолаповым, но, думаю, что есть в них смысл. И, конечно, мечтаю, что когда-нибудь будет построена репрезентативная онлайн-панель в России. Время для этого пришло.

Вы продолжаете работать в Вышке, какие курсы Вы читаете?

Да, я читаю курсы, в основном, для магистров. Курсы по онлайн-исследованиям и методологии социологических исследований. Кроме того, со Светланой Петровной Баньковской мы ведём научно-исследовательский семинар у магистров. У бакалавров я веду семинары по современной социологической теории. Курс по онлайн-исследованиям – практически ориентированный. В ходе курса студенты должны провести какое-то исследование или эксперимент, а далее подготовить постер и представить его на конференции памяти Левады. На протяжении последних нескольких лет мы организовываем постерную сессию по онлайн-исследованиям на этой конференции.

В сентябре 2014 г. произошли изменения в Вышке, а именно, произошло укрупнение факультетов. Так, факультет социологии стал департаментом факультета социальных наук. Многие перешло из центра на уровень факультетов. Кроме того, на факультете появилась новая позиция – зам.декана по науке. В декабре 2014 г. её на факультете заняла я. Пока точно не знаю, правильное это решение или нет, но я попробую. Сейчас очень много времени уходит на административную работу, но я надеюсь, что это будет только в начале, хотя не уверена. В связи с тем, что много времени сейчас уходит на административную работу, это интервью затянулось по времени. И я прошу Вас меня за это простить.

Айгуль, для меня наша беседа оказалась очень интересной, и мне грустно ее завершать...